

точности собственных средств». Воистину *summum jus — summa injuria* (высшее право — высшая несправедливость)!

Стоит также отметить, что ускоренное прохождение этого Закона через парламент свидетельствует как об уровне депутатского корпуса (большинство депутатов, скорее всего, не поняли, за что они голосуют, хотя думский Комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству дал на этот законопроект резко отрицательное заключение), так и об истинной цене постоянно декларируемых намерений по борьбе с коррупцией.

Такого Закона и закреплённой им формы юридического лица не знает ни один современный правовой порядок, включая законодательство штатов Делавэр и Нью-Йорк. Мы опять впереди планеты всей и опять не в той сфере, где следовало бы.

Дмитрий Степанов,

партнер Адвокатского бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и партнеры», кандидат юридических наук

— Появление Закона, регулирующего деятельность хозяйственных партнерств, в целом вполне закономерно — рано или поздно нечто подобное должно было появиться. В связи с этим есть одна хорошая новость и две плохие.

Первая новость — хорошая. Почему появление подобной организационно-правовой формы закономерно с точки зрения развития отечественного законодательства? Ответ очевиден: при довольно жестком регулировании корпоративных и договорных отношений, регулировании, по сути своей все еще являющемся советским, а потому императивным и ограничительным, рано или поздно должно было появиться регулирование, позволяющее решать вопросы иначе. В итоге создан анклав, в котором отныне в рамках корпоративной формы дозволено практически все что угодно. Подобная либерализация, пусть и наблюдаемая в ограниченной сфере применения в корпоративных отношениях, может всемерно приветствоваться.

Вторая новость не очень хорошая. Закон о хозяйственных партнерствах, как бы его ни критиковали за отдельные юридико-технические решения, является реакцией на нежелание российского юридического истеблишмента системно заниматься реформированием корпоративного законодательства. В итоге все те недостатки, за которые указанный Закон критиковали и еще будут критиковать, можно обратить против тех, кто до сих пор противится либерализации правового регулирования непубличных корпораций. Именно из-за нежелания однажды взяться и сделать гибкую форму ООО либо того же командитного товарищества со множеством опций корпоративного договора, межкредиторских соглашений, вариативной компетенции органов управления у нас и дальше будут возникать подобные креатуры. По моему глубокому убеждению, либерализацию правового регулирования необходимо было проводить не путем создания специальной организационно-правовой формы и специального закона, никак не соотносимого с ГК РФ, а реформировать существующие формы коммерческих организаций.

Кстати, пример подобной либерализации в рамках универсальной формы закрытой корпорации можно видеть в Голландии, Гражданский кодекс которой когда-то оказал самое сильное влияние на ГК РФ: летом 2012 г. ожидается вступление в силу поправок к ГК Нидерландов, благодаря которым голландское *BV* станет еще более гибким, чем российское хозяйственное партнерство. Нам, конечно же, делать ничего подобного нельзя, ведь мы к столь либеральным решениям пока не готовы, нам нужно чего-то ждать, видимо, использования русскими коммерсантами не только английских *LP*, но теперь и голландских *BV*. Словом, противникам хозяйственного партнерства полезно было бы ознакомиться с поправками в голландский ГК, принятыми уже год назад. Возможно, если был бы учтен зарубежный опыт, не пришлось бы создавать специальную форму ведения бизнеса, ограничившись реформой ООО или ЗАО.

Третья новость немного пессимистична. У этого законодательного решения есть серьезный политико-правовой изъян: мало того, что создается специальная организационно-правовая форма юридического лица, она еще и выводится за рамки заданной ГК РФ систематики юридических лиц и помещается в специальный закон, имеющий слабую связь с Кодексом. Хозяйственное партнерство, конструируемое как новая юридическая сущность, конечно, лишено тех «родовых травм», с которыми придется существовать всем прочим российским корпорациям, — излишней зарегулированности, отсутствия реальной свободы договора во внутрикорпоративных отношениях и императивности норм. Однако эта же привлекательная черта новой формы может оказаться ее ахиллесовой пятой: в ситуации, когда к хозяйственному партнерству помимо специального Закона будут применяться нормы ГК РФ, регламентирующие лишь общие положения о юридических лицах (даже не общие положения о хозяйственных товариществах и обществах!), многие практические вопросы деятельности партнерства рискуют оказаться вне текущей правовой референции. Если в иной ситуации юрист-практик или суд, рассматривающий спор, могли бы обратиться к другому правовому акту (ГК или специальному закону), регулиющему сопредельную форму, то в данном случае эта опция по умолчанию исключена. Да, никто аналогию права и закона не отменял, только замысел законодателя, сознательно вынесшего за скобки форму хозяйственного партнерства, изначально состоял именно в том, чтобы разорвать связь этой юридической сущности с иными организационно-правовыми формами юридических лиц. Соответственно, применение по аналогии норм об ООО и АО на практике формально-юридически, мягко говоря, не столь очевидно, несмотря на то что вопросы, с которыми всем нам придется сталкиваться ввиду этих изменений, судя по всему, мало чем будут отличаться от того, что мы видим в ООО или ЗАО.

Более того, если за существующими организационными формами, создаваемыми сотнями тысяч и даже миллионами, стоит массив судебной практики, плохо или хорошо, но позволяющей находить ответы на злободневные вопросы, то за экзотическим для большей части оборота хозпартнерством какой-либо существенной правоприменительной практики (государственных или третейских судов) не последует. А потому практикующему юристу понять, работают ли в хозяйственном партнерстве реально те же *tag / drag-alone rights*, опционы, отказы от прав, *indemnity*, межкредиторские соглашения, равно как и многие иные прогрессивные конструкции, будет еще сложнее, чем в отно-

шении российского ООО или ЗАО. Соответственно, пока что многие благие пожелания, реализованные в рамках обсуждаемой конструкции, будут сопряжены с рисками слабой (или нулевой) судебной защиты. Это опять возвращает нас к необходимости системной перестройки всего корпоративного и договорного права — без создания полноценного коммерчески ориентированного общегражданского законодательства отдельными законами или организационно-правовыми формами проблему не решить.

Александра Нестеренко,

президент Объединения
Корпоративных Юристов

— Основное опасение, высказанное в заключении Совета по кодификации касательно Закона о хозяйственных партнерствах, связано с недопустимостью определения корпоративной структуры и порядка принятия решений в партнерстве, а также широкого круга иных вопросов, что предусмотрено в соглашении об управлении.

Озабоченность ученых понятна, но следует принять во внимание, что наличие в хозяйственном партнерстве одновременно устава, являющегося учредительным документом, и соглашения об управлении отвечает мировой практике подготовки и реализации венчурных бизнес-проектов. Это предполагает возможность гибкого управления компанией на основании договора, сторонами которого могут быть не только участники юридического лица, но и само юридическое лицо, а также иные лица.

Хозяйственное партнерство является непубличным юридическим лицом, и внутренние отношения в такой компании в соответствии с лучшими международными прототипами могут и должны регулироваться общедоступным уставом (*certificate of incorporation*) и соглашением об управлении (*operating agreement*). Трудно согласиться с закреплением всех вопросов, которые в настоящее время отнесены к формату соглашения об управлении, в уставе, подлежащем государственной регистрации.

Такой подход невозможен хотя бы потому, что он не обеспечивает конфиденциальность информации о направлениях деятельности, условиях участия в проектной компании и порядке управления компанией для неограниченного количества третьих лиц, что принципиально важно для венчурной среды. Именно эта информация представляет наибольшую ценность для конкурентов, а в условиях высокой коррупциогенности и российской бюрократии государственная регистрация полностью исключает возможность ограничить доступ к единой базе данных об инновационных компаниях. Именно поэтому Законом предложен альтернативный государственной регистрации механизм нотариального заверения и хранения соглашения об управлении с обеспечением недискриминационного доступа контрагентов компании к такому соглашению. Подобный подход обеспечивает взаимный баланс интересов государства, кредиторов, участников компании и третьих лиц.

Следует отметить, что конструкция хозяйственного партнерства близка по своей сути к тому, что наиболее востребовано венчурным сообществом в иностранных юрисдикциях, а именно к организационно-правовым формам юри-